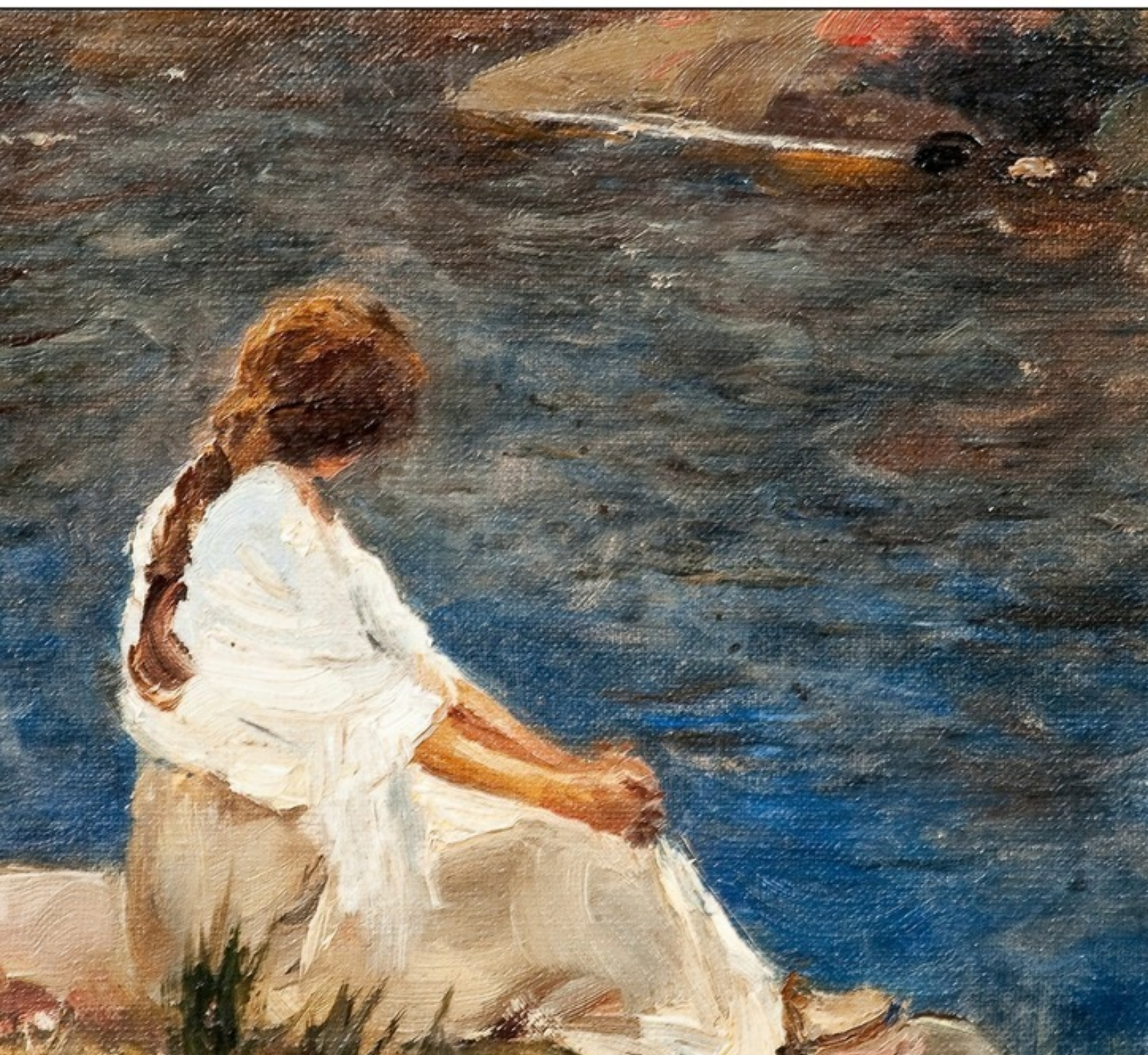

Вера Попова

Порог

Вера Попова

Порог

«Издательские решения»

Попова В.

Порог / В. Попова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835678-0

Порог — повесть о нелегкой судьбе сестёр-близнецов, разлученных в младенчестве. Заканчивается трагически для одной из них. О чём? О предательстве, о насилии, о доброте и дружбе. Наверное, о преодолении морального порога в жизни каждого...

ISBN 978-5-44-835678-0

© Попова В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
***	7
МИРОСЛАВА	8
ЗАЗЕРКАЛЬЕ – Слав! Славка... – донёлся с улицы еле слышный голос	9
– Чего тебе? – На улицу выйдешь?	10
– Сбор у нас... – Да ну? Есть повод? – Есть. У тебя час в запасе. – Буду	11
– Вот чего ты опять начинаешь, а? Накаркаешь ещё!	12
– Да за что, мам?	13
*** – Доча...	14
– Папа, мне так одиноко без тебя...	15
– Ты куда-то уезжаешь? Куда?	16
– Да, пап, обещаю...	17
– Игорь, – растерянно оглянулась девушка, – а где папа?	19
– Доктор, а куда мне теперь с этими бумагами?	20
– Да... пила... нет... не понравилось... такая гадость...	22
– Не хочется что-то	23
– Ты в школьном буфете хоть что-нибудь покупала? – Да, беляши	24
– Нет, не было, только чипсы. – Ещё не лучше!	25
Игорь	27
Мирослава	28
*** – С днём рождения, любовь моя!	29
– Ты что, специально считал?	30
– А-а-а?..	31
Как оказалось, поцелуев хватило бы на несколько подарков...	32
– Конечно, ехать! Какие могут быть сомнения?	33
– Я жду ответа на поставленный вопрос!	34
– Почему?	35
– Почему – дочь? – А кто же ещё?	36
– Чья дочь? У кого дочь? Я чего-то не знаю?	37
Игорь инстинктивно крепко сжал руку Мирославы в своей	38
– Мама...	39
– Обман... – Что ты сказала? – Повернулся Игорь к Мирославе	40
Мирослава резко встала, ойкнула, приложив обе руки к животу	41
Не дождавшись ответа, она заглянула в гостиную	44
– А кого же? Другого здесь нет	45
*** – Витенька!	46
Наскоро вытерев руки бумажным полотенцем, Мирослава приложила трубку к уху	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Порог

Вера Попова

© Вера Попова, 2016

ISBN 978-5-4483-5678-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

В Книге Притчей говорится, что Господь ненавидит семь вещей, в которых под номером четыре записано: «Сердце, кующее злые замыслы». Православная церковь оставила этот смертный грех также под номером четыре, поясняя словом «Гнев». Моя сестра не сумела обуздать своё озлобленное сердце, и возврата в этот солнечный мир для неё не существует, потому что Божий суд самый справедливый. Мирослава лежит в могиле под тяжёлой гранитной плитой, где господствует мрак. Она умерла и похоронена. В июле, в день её рождения, могила покрывается ковром из белых ромашек...

**Сегодня я должна переступить порог, Чтоб вечности
познать покой. Но держит за подол столь мерзостный
порок, Что под запретом свечка и слова «за упокой»**

МИРОСЛАВА

Она стоит по ту сторону огромного, во всю стену, зеркала в длинном платье из креп-жоржета вишнёвого цвета. Ткань красивыми складками струится вдоль тела до самого пола, выгодно подчёркивая высокую грудь и крутые бёдра.

Внешность у отражения замечательная: статная фигура, правильные черты лица, гордо посаженная голова, которую украшает коса ярко-золотого цвета – она крупной короной искусно уложена, слегка нависая над высоким чистым лбом. Никаких дорогих украшений, кроме простенького кулончика из бирюзы в форме капельки на серебряной цепочке. Это подарок отца на шестнадцатилетие. Бирюза оправлена в серебряную же окантовку, на которой еле заметна гравировка «Да минуют мою дочь зло, обман и потери».

Она не мигая смотрит прямо в глубину моей души, и ласковый укор льётся из её огромных глаз насыщенного серого цвета. Конечно, он предназначен мне. Она моё второе «я». Это та вторая половинка моего сердца, которая не озлобилась, не зачерствела, не утратила любви и мягкости тогда, когда первая превратилась в камень ненависти, и никакие силы не смогут растопить этот камень, превратить его в мягкие, тёплые кусочки ваты. Её и меня зовут Мирослава.

**ЗАЗЕРКАЛЬЕ – Слав! Славка... –
донёсся с улицы еле слышный голос**

Мирослава выглянула в окно – конечно, по Игорю можно часы сверять. Забравшись на подоконник и высунув светловолосую голову в форточку, девочка громко спросила:

– Чего тебе? – На улицу выйдешь?

– Не знаю, мама ещё с работы не пришла. А что?

**– Сбор у нас... – Да ну? Есть повод? –
Есть. У тебя час в запасе. – Буду**

Спрыгнув на пол, Мирослава быстро пробежалась по многочисленным комнатам. Надо успеть. Пропылесосила пол, перемыла посуду, «не забыв» кастрюли и сковороды, вынесла мусор, заплела туго косу и закрепила её на затылке под бейсболкой, натянула спортивные штаны и стала готовить мамыны любимые сырные лепёшки с начинкой – знала, чем задобрить.

– Это чем у нас так вкусно пахнет? – раздался из прихожей радостный женский голос. – Да неужели? – Софья Михайловна вошла на кухню. – Сознавайся, дочь моя, что опять натворила?

– Ты что, мам? Ничего не натворила, – перевернула Мирослава на сковороде очередную порцию золотистых сырников.

– Не успела, значит, – откусила мать кусочек лепёшки. – Всё ещё впереди, значит. Ну-ну...

– Вот чего ты опять начинаешь, а? Накаркаешь ещё!

– Господи, и где ты выражения такие находишь? – «накаркаешь»! Совсем распоясалась.

– Это не я распоясалась, это мой возраст такой распоясанный. А ты должна к нему относиться терпимо-снисходительно – так утверждает педагогика.

– Славка, ты дождёшься у меня! Я пошлю педагогику ко всем чертям и всыплю тебе ремня по непедagogическому месту!

– Да за что, мам?

– А вот «ни за что». Для профилактики... Ты куда, дочь моя?

– Нельзя спрашивать «куда»: дорогу «закудыкаешь». Меня Игорёша ждёт, – поставила на стол лепёшки Мирослава. – Вкусные?

– М-м-м-м... очень. Не задерживайся.

У Славы переходный возраст – всего четырнадцать. Она утверждает своё право на самостоятельность, при этом оставаясь очень шумной, озорной девчонкой. Софью Михайловну частенько вызывают в школу по поводу её невысоких учебных достижений и даже участия в мальчишечьих драках.

– Софья Михайловна, неужели вы не можете повлиять на дочь, ведь вы такой успешный и требовательный руководитель... – каждую неделю выговаривала матери Мирославы классная руководительница Елизавета Михеевна, которую Славка дома звала классной мучительницей. – Слава, простите, Мирослава, дерзит, оговаривается, задаёт учителям каверзные и провокационные вопросы. Может быть, вызвать для беседы отца?

– Вы же знаете, Елизавета Михеевна, мой косметический салон отнимает очень много времени. Если я ослаблю контроль за работой коллектива, я потеряю клиентов. Кстати, вчера поступила изумительно хорошая крем-краска для волос вашего типа. Приходите. Мы вас окрасим, пострижём, сделаем масочку для лица, оформим скидочку... помолодеете сразу лет на десять, гарантирую.

– Правда?.. Как-то неудобно...

– Ну, что вы, неудобно на потолке спать: одеяло падает. – Софья Михайловна поняла, что Елизавета Михеевна колеблется.

– Спасибо большое. Обязательно загляну как-нибудь... или... можно на этой неделе?

– Конечно, конечно. Непременно на этой неделе.

– Софья Михайловна, думаю, пока отца приглашать не будем – возраст переходный у Славочки, сами понимаете...

– Я хорошо уяснила, Елизавета Михеевна, что вы грамотный и всё понимающий педагог. Нам с дочерью очень повезло, что именно вы классный руководитель в её классе. Всего доброго. Дверь косметического салона «Радужный» открыта для вас в любое время...

***** – Доча...**

Мирослава оглянулась на звук родного голоса

– Папка! – девушка повисла на шее отца совсем, как в детстве, не заметив, что у того прогнулась спина от её заметно прибавившегося веса за последние два года. – Как я рада тебя видеть! Соскучилась страшно! Ты почему так долго не приходил?

– Пришлось много работать в последние полгода – торопился... А ты повзрослела, похорошела, моя принцесса. Ну-ка, поворотись... Хороша, просто модель!!! Давай-ка померяемся ростом... ого! Ещё три сантиметра, и ты сравняешься с моим темечком! – Отец заботливо заправил выбившуюся прядь волос за ушко дочери.

– Скажешь тоже! – отмахнулась та от комплиментов. – Рассказывай: ты всё так же снимаешь комнату? Похудел... Наверное, питаешься плохо. Кто тебе варит, стирает?..

Вопросы сътались один за другим, пока не иссякли, и пока Мирослава не уткнулась лбом в плечо улыбающегося мужчины.

– Папа, мне так одиноко без тебя...

– Ну что ты, что, радость моя... я тоже очень скучаю. Но сегодня, доченька, я пришёл сказать тебе, что мы... скоро, очень скоро... расстанемся... навсегда. – Видно было, что отец старается подобрать слова для какого-то очень важного сообщения, но так, чтобы не сильно ударить им свою любимицу.

– Ты куда-то уезжаешь? Куда?

– Можно и так сказать: уезжаю. А вот куда... – он поднял глаза на дочь и решил говорить так, как всегда разговаривал с нею на очень серьёзные темы. – Слава, ты уже довольно взрослая для того, о чём я тебе сейчас скажу. Я смертельно болен. Доктор отвёл мне жизни семь-девять месяцев... не перебивай! Ты должна быть сильной, стойкой, потому что вся тяжесть моего ухода ляжет на тебя, потому как рядом никого не будет. Но об этом потом, время ещё есть. Мама не в счёт... А теперь давай поговорим о тебе, моя царевна. Ты помнишь, что совсем скоро тебе стукнет шестнадцать? Я приготовил подарок, в который вложил всю свою любовь. Я прошу тебя, никогда ни при каких обстоятельствах не расставайся с ним. Он поможет тебе в самые трудные дни и минуты выстоять, не сломаться, моя любовь тебе поможет... Что-то я много говорю... Обещай мне!

– Да, пап, обещаю...

– Умница ты моя! – прижал отец голову Мирославы к своей груди. – Не плачь, моя радость, посмотри-ка, что у меня в руках!

Бирюзовая капелька, оправленная в металл серебристого цвета качалась, как маятник, на длинной серебряной цепочке. «Вот почему отец много работал!» – пронеслось в голове Мирославы.

– Папочка, я так тебя люблю! – всхлинула девушка.

– Ну что ты, что ты... успокойся... – отец, как в детстве, вытирал платком слёзы, непрерывными горошинами катившиеся из глаз Славки, и легонько целовал её влажные щёки. – Ну вот, видишь, нет слёзок, глазки плакать не хотят, и губки уже улыбаются... Доченька, хочу попросить: пожалуйста, ничего не рассказывай маме, не стоит её огорчать... Давай, цепочку застегну... посмотри на меня! Ах ты, моя принцесса! Ну, беги, твой принц уже дождался.

Отец с ласковой улыбкой легонько подтолкнул дочь к Игорю, который в тревоге почти бежал навстречу подруге детства, а сам, не оглядываясь, ссутулившейся походкой направился в противоположную сторону.

Софье Михайловне показалось, что со дня рождения в поведении дочери что-то изменилось: она стала более спокойной, исчезли резкость и агрессивность, она перестала спорить по пустякам. На вопрос матери, откуда у неё бирюзовое украшение, Мирослава коротко ответила: «Подарок папы».

Софья Михайловна не знала, радоваться ей или насторожиться на перемены в характере девушки.

С Нового года Мирослава, ничего не объясняя матери, с обеда и до самого вечера стала куда-то исчезать. Соседка по лестничной площадке Матрёна Яковлевна, которую Софья Михайловна часто приглашала вечерком на чай, как-то в очередное чаёвничание авторитетно заявила:

– Ты, Софьюшка, за дочкой-то приглядела бы – каждый Божий день к ней какой-то парень навевывается.

– Да Игорь это, дружок её с детства. Я знаю его, хороший паренёк.

– То-то и оно, что хороший. Хорошие да ласковые очень быстро в постели оказываются. Девка у тебя видная. При богатой матери-то лакомый кусочек. Хап! Была девка, стала бабой.

– Что вы, Матрёна Яковлевна, мала она ещё для такого, шестнадцать всего исполнилось.

– Ха, «всего»! Самый сок, Софья, самый сок.

Как оказалось, заронила-таки Матрёна зерно сомнения в сердце матери, и однажды, когда в половине одиннадцатого ночи дочь вернулась домой, мать встретила её у порога.

– Ты знаешь, который час?

– Да, мам, автобус задержался, аж ноги чуть к асфальту не примёрзли. А что? Случилось что-то?

– И ты ещё спрашиваешь!? ПОКА ещё ничего не случилось, но может случиться!

– Да что может? Игорь меня до самой двери проводил.

– Вот именно, Игорь! Сегодня – до двери. А завтра?

– А что – завтра?

– А завтра – до кровати! Ты что, действительно наивная или притворяешься?

– Мама! Говори открыто! Что за манера изъясняться намёками? Я достаточно взрослая, чтобы понять тебя.

На Софью Михайловну смотрели потемневшие серые глаза, холодные и упрямые. Мирослава поняла, о чём никак не решалась сказать мать, но терпеливо ждала.

– Случится то, что ты преждевременно принесёшь в подоле! – уже кричала мать!

– А если принесу?

Софья Михайловна в пылу своего гнева не заметила, что дочь снизила голос почти до шёпота, явного признака крайней степени агрессивности.

– Я выгоню тебя из дому!

– Как выгнала папу?..– Мирослава аккуратно повесила пальто на плечики и повернулась к матери. – Чем измеряется твоя любовь, мама? Размерами дохода от твоей парикмахерской? А такие неудачники, как мы с папой, в твою любовь не вписываются?

– Да как ты смеешь!?! – Софья Михайловна с крика перешла на визг.

– Ты права, мама, я ничего не смею, я материально ещё слишком завишу от тебя. Но, если ты ждёшь моих извинений, ты их не дождёшься!

Закрывшаяся дверь в комнату Мирославы поставила точку в их разговоре.

– Папа, я принесла тебе кусочек мартовского солнца! – с радостным восклицанием влетела в больничную палату Мирослава, но тут же споткнулась, как будто кто бросил ей под ноги огромный булыжник. Кровать, на которой последний месяц лежал отец, была аккуратно заправлена.

– Игорь, – растерянно оглянулась девушка, – а где папа?

Парень стоял, низко опустив голову, стараясь не смотреть подруге в глаза. Он сразу всё понял. В палату вошла нянечка, чтобы забрать из-под кровати утку.

– Нянюшка Оля, ты не знаешь, почему нет папы? Его перевели в другую палату? – Мирослава упорно не желала понимать, что отца больше нет, что она никогда больше не увидит его живым.

– Доченька, разве тебе никто не говорил, что земелюшка притягивает к себе больных раком весной либо осенью? Горемычная ты моя... Ну, иди, иди, тебя доктор ждёт. Игорь, помоги Славушке, помоги, не оставляй её... Видимо, у Петровича, кроме дочери, и не было никого, только о ней и говорил. Идите, Илья Ильич все необходимые документы для похорон вам отдаст.

Нянечка говорила о случившемся спокойно, ласково, привычно. За много лет работы в онкологическом отделении она всякого насмотрелась, и место боли в душе от каждого ухода больного в мир иной заняло лишь сочувствие родственникам.

Заведующий отделением Илья Ильич, худенький, суетливый, поминутно поправляя очки, приготовился к встрече с Мирославой основательно: на случай обморока на столе стоял пузырёк с нашатырём. Он заполнил уже все необходимые справки, когда в кабинет вошла внешне спокойная девушка в сопровождении своего неизменного спутника, такого же спокойного, как и она. Приняв из рук доктора файл с документами, Мирослава тихо спросила:

– Доктор, а куда мне теперь с этими бумагами?

– Если, кроме вас, у него никого из родственников больше нет, я бы посоветовал обратиться к руководителю предприятия, где он работал. Думаю, вам не откажут в помощи. Да, и не забудьте забрать у старшей медицинской сестры больничный лист. Примите мои искренние соболезнования.

– Спасибо, Илья Ильич.

– Ну, что вы, что вы... очень жаль, очень жаль... – Илья Ильич так и не сел на стул, пока дети не вышли в коридор, тихо закрыв за собой дверь кабинета.

– Игорь, – полными слёз глазами девушка смотрела на паренька, – Игорь, а ведь папа обещал мне сегодня что-то рассказать. Он улыбался и говорил, что я не одна в этом мире. Что бы это могло значить? Может, он имел ввиду маму или намекал на тебя?

Слёзы ручьём потекли по щекам Мирославы, она зашмыгала носом. Игорь молча достал из кармана носовой платок, усадил её на стул и крепко прижал к себе, без слов дав понять, что отныне он главный мужчина в её жизни.

Получилось всё так, как и предполагал доктор Илья Ильич: заведующий авторемонтной мастерской, где давно работал отец Мирославы, выслушав девушку, посокрушался:

– Жаль. Жаль Ивана Петровича. Хороший был человек, отзывчивый. Да и работник ценный, что уж скрывать. Поможем: и деньгами, и людьми. Ксения Васильевна, – надавил он на кнопку селекторной связи, – пригласи ко мне нашего общественного босса, пожалуйста... да, прямо сейчас, срочно... Так, детки, – обратился он к сидящим напротив подросткам, – я освобожу от работы на три дня Людмилу Николаевну, она дока в подобных делах, вы уж простите. Она во всём вам поможет – и с оформлением нужных документов, и с финансами, и с похоронным бюро. Опыт у неё в этой сфере большой.

И действительно, Мирославе почти ничем не пришлось заниматься самой. Деятельная и активно-опытная Людмила Николаевна договорилась, с кем надо, заплатила, кому надо, заказала недорогое кафе для поминок, просветила Мирославу в вопросах наследования имущества и денежных сбережений отца.

Накануне похорон, сидя напротив матери за обеденным столом, девушка негромко спросила:

– Мама, ты пойдёшь завтра проводить папу в последний путь?

Жевавшая бутерброд во время вопроса, Софья Михайловна не расслышала предпоследнего слова.

– Он что, собрался куда-то уезжать? Так пусть едет. У меня много запланированных дел на завтра.

– Мама, что для тебя важнее: сказать папе последнее «прости» или твои нескончаемые дела?

– Да почему я должна просить у него прощение? С какой такой стати? – искренне удивилась бывшая жена.

– Ты дура, Софья Михайловна, или ты упорно не желаешь меня слышать? Папа умер!!!

– А я при чём? – по инерции возмутилась мать, но дошедшая до её сознания неприятная новость заставила женщину резко замолчать. – Умер? Зачем умер?

– Умирают не зачем, а от чего. Рак у него был. Папа просил тебе не говорить, чтобы не обременять и не огорчать. Продолжал любить, наверное, – усмехнулась Мирослава. – В общем: похороны завтра в четырнадцать часов. Панихида в автомастерской, папу оттуда

повезут на кладбище... Скажи мама, – через паузу спросила дочь, – а в твоём сердце есть хоть кусочек места для меня, или в нём безраздельно царит парикмахерская?

– Салон... – машинально поправила Мирославу Софья Михайловна и вздрогнула от громкого хохота девушки, в одну минуту ставшей непривычно чужой...

– Игорь, ну почему так... – пьяно всхлипывала Славка, – почему она меня не любит?.. Почему для меня нет места в её жизни?... А вот папа всегда меня любил... я по его глазам видела... и некому теперь меня любить... Игорь, мне так плохо...

– Ну что ты заладила: любит – не любит? Я тебя люблю, успокойся, пожалуйста.

– И ты меня не любишь, жалеешь только... да, да... не любишь...

– Ты ещё на ромашке погадай... Сказал же – люблю. Давай-ка ложись, тебе уснуть надо. Зачем ты пила так много на поминках? Ты же терпеть не можешь водку... Попробовала? Понравилось?

– Да... пила... нет... не понравилось... такая гадость...

– Руки подними, я помогу свитер снять... Ляжешь на моей кровати, а я на диване в гостиной... Как ты носишь такие тугие джинсы? Снять не могу... Всё, спи, алкашка несчастная.

– Игорь, не уходи, я боюсь спать... ты посиди рядом, пока не усну.

– Посижусь, конечно. Давай, закрывай глазки... баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

– ... придёт серенький волчок и укусит за бочок... хи-хи-хи... А кто это – волчок, а, Игорь?..

Утро для Мирославы наступило рано: первые лучи солнца стеснительно заглядывали сквозь неплотно закрытые ночные шторы. Хотелось пить. Открыв глаза, девушка не сразу поняла, где находится. Сев на кровати, огляделась: музыкальный центр на журнальном столике, гитара на стене рядом с огромным портретом Виктора Цоя – понятно, комната Игоря. Значит, почти дома.

Осторожно ступая, Мирослава направилась в ванно-туалетную комнату. Из зеркала на неё глянула незнакомая девчонка: мешки под глазами, покрасневшие веки, тусклый взгляд, растрепавшиеся волосы – фу! Славка показала изображению язык, которое тут же показало своё. Нахалка, ещё и дразнится. Да и пусть, не до неё. Быстро раздевшись и встав под прохладный душ, Мирослава впервые осознала, насколько живительной может быть вода. Жизнь по капельке возвращалась в её тугое и ладное тело. Совсем не болела голова и, почистив пальцем зубы и прополоскав горло, Мирослава так же тихонько, чтобы никого не разбудить, прокралась в комнату, где спала. Девушка слышала, как проснулись родители, как завтракали, как ушли на работу, захлопнув за собой дверь, а она, движимая каким-то пробудившимся в ней древним животным инстинктом, на цыпочках пошла в гостиную, где на диване, по-детски свернувшись калачиком, сладко спал Игорь. Встав на колени, Мирослава легонько поцеловала его в лоб, в щёки, зачем-то понюхала волосы и осмелилась поцеловать в губы. Оказывается, это приятно – целовать того, кто всю твою жизнь находился рядом – и в радости, и в горести, в детских шалостях и играх. Незнакомое доселе чувство вихрем ворвалось в проснувшуюся женскую сущность Мирославы, которого она нисколько не стыдилась и, увидев широко открытые синие глаза любимого, в которых читалось удивление, скинула с себя всю одежду. Через несколько минут в утренней тишине квартиры раздался протяжный, полный боли и наслаждения, стон...

– Мирослава, – строго посмотрела на девушку Софья Михайловна, – ты совсем перестала есть. Что с тобой? Заболела?

– Не хочется что-то

Славка вяло ковырялась вилкой в тарелке с котлетой. Почему-то в последнее время еда не лезла ей в горло.

**– Ты в школьном буфете хоть что-
нибудь покупала? – Да, блины**

*– Господи, сколько раз тебе говорить, не покупай ничего мясного и жареного в общепите!
Неизвестно, что за мясо кладут в пирожки и на каком масле жарят! Булочек не было что ли?*

– Нет, не было, только чипсы. – Ещё не лучше!

После похорон отца девушка стала немногословной, замкнутой, не вступала в перепалку с матерью. Софья Михайловна успокоилась, и только холодность и равнодушие, поселившиеся в глазах дочери, несколько задевали и раздражали её, привыкшую обращаться с дочерью властно и безапелляционно. Мирослава напрочь вышла из-под её родительского контроля.

Зазвонил мобильный, новое веяние века, подарок Софьи Михайловны. Глянув на дисплей, Мирослава радостно улыбнулась: Игорь.

– Да, Игорь... да. я уже выхожу, жди меня на перекрёстке...

– Слава! – голос матери ещё более построжел, – ты к выпускным экзаменам готовишься?

– Да, мама, мы после уроков у Игоря дома занимаемся. Так удобнее.

Софья Михайловна, подняв глаза от чашки с кофе, зажмурилась от света, исходившего от счастливого лица дочери. Свет первой любви был настолько мощным, что она, не выдержав, опустила голову. Ревность, злая и беспощадная ревность, чёрной змеиной завистью свернула на её женском сердце.

Мирослава очень скоро поняла, что прокладки для критических дней ей не понадобятся целых девять месяцев. Как ни странно, поганое состояние токсикоза её миновало. Будущее материнство превратило Славку в степенную, статную красавицу. Выражение «выступает будто пава» как нельзя точно подходило к её теперешнему состоянию. Взрослые мужчины невольно задерживали на ней оценивающий взгляд всё чаще и чаще, что не могло не задевать самолюбия Игоря. Славка в ответ на его ворчание звонко смеялась.

– Вот что ты ворчишь, как старый дед? Пусть смотрят, с меня не убудет, – как-то вечером, сидя во дворе на детской площадке под грибком, сказала Мирослава

– Не знаю, Славка. Понимаешь такое чувство, что кто-то или что-то хочет отнять тебя у меня. И сразу такая злость появляется, как у волка, который готов драться за свою волчицу насмерть!

– Дурачок ты, Игорь! Никто меня не отберёт. Вспомни, в первый же день, когда родители привели нас в детский садик, я выбрала тебя сама. С тех самых пор я крепко держу твою ладошку в своей, и ничто не в силах разрубить этот замочек. Я буду твоей волчицей до самых последних дней, не сомневайся. Веришь?.. А теперь пойдём по домам. Завтра последний экзамен, самый нелюбимый – физика...

Проводив Мирославу до двери, Игорь привлёк девушку к себе.

– Слав, ты как, не передумала поступать со мной в один институт?

Заметив грустинку, промелькнувшую в глазах подруги, Игорь насторожился.

– Что? Передумала?

– Да нет... Понимаешь, тут... некоторые обстоятельства складываются немного не так, как хотелось бы... Я тебе скажу... на выпускном, потерпи ещё два дня. – И, чмокнув парня в щёку, захлопнула за собой дверь в квартиру.

Игорь вздохнул. Он знал, если Славка сказала «завтра», раньше, чем послезавтра, от неё не добьёшься ни слова.

Игорь в восхищении смотрел на подругу, спускавшуюся к нему по лестнице: шла Королева в платье из креп-жоржета тёмно-вишнёвого цвета, на фоне которого золотом переливалась коса, короной уложенная вокруг головы. Ему казалось, что Мирослава не просто шагала по ступеням, она плыла по воздуху. Такой красивой на памяти Игоря она не была ещё никогда.

– Ты давно ждёшь?.. Чего молчишь, будто язык проглотил? – спустившись с последней ступеньки, спросила девушка.

– Славка, ты такая... такая... – не нашёл парень сразу нужных и подходящих слов.

– Красивая, ты хотел сказать. – Засмеялась, довольная восхищением Игоря, Мирослава. – Я это знаю. Ты сам говорил, что я, даже лысая, буду для тебя самой красивой. Забыл? Пойдём уже, а то опоздаем.

Со Славкой явно что-то произошло. Но что?

Игорь

Уже третью ночь подряд Игорь плохо спал. Конечно, как и всякий мужчина, к тому же совсем юный, он совершенно не был готов услышать, что через семь месяцев станет отцом. Вылившееся на его голову ушатом холодной воды известие породило массу вопросов, которые он просто не в силах был решить самостоятельно. Вопрос «как быть с дальнейшей учёбой» ответа не требовал – заочно. Где и кем работать? Где жить? У Мирославы большая квартира, но, зная характер Софьи Михайловны, Игорь понимал, что этот вариант абсолютно не приемлем. Бедная Славка, что ей предстоит выслушать, когда она сообщит матери о том, что та вскоре станет бабушкой!.. Игорь, в какой раз уже за ночь, повернулся на другой бок. Со своими родителями? Мать с отцом будут настаивать на очном обучении сына. Их можно понять: для единственного ребёнка они желают самой лучшей судьбы. Но без Игоря Мирослава жить с ними не будет. Задача одна сложнее другой... Мирославе только семнадцать, она на год моложе, значит, о регистрации брака не может быть и речи... Или может в виде исключения? У кого спросить?.. И зачем так не вовремя умер Иван Петрович, уж он-то точно подсказал бы... Господи, о чём он думает? Смерть всегда приходит не вовремя, если тебе меньше семидесяти... И ещё один *никак и никем* не объяснимый вопрос не шёл из головы: должен ли мужчина в момент первой близости с любимой женщиной позволить себе поддаться всепоглощающей, безрассудной и безумной страсти, не думая о возможных последствиях?.. Нет, не уснуть сегодня...

Мирослава

Мирослава спала спокойно. Она всё для себя давно решила: о беременности скажет матери в день своего рождения; Игорь поедет учиться – ребёночку нужен отец с образованием и профессией; побыв дома с крошкой, она устроится на работу нянечкой в детский сад; через год они с Игорем поженятся официально и заживут счастливой семьёй на радость бабушкам и дедушке. Жаль, отец умер рано, не подержав внука на коленях... Под утро Мирославе приснилась мама Софья Михайловна с «хиповой» причёской ярко-розового цвета и грубым макияжем лица привокзальной буфетчицы... К чему бы это?

***** – С днём рождения, любовь моя!
На пороге стоял Игорь и протягивал
ей огромный букет ромашек**

– О-о-о-ой! – протянула Мирослава. – Мои любимые!!! Сколько много маленьких радостей! Ты видишь, они улыбаются нам, и у всех нечётное количество лепестков. Хочешь проверить?

– Не хочу! – довольно улыбнулся Игорь. – Я точно знаю, сколько в каждом цветке лепестков.

– Ты что, специально считал?

Мирослава сразу поверила, что каждый лепесток в каждом цветочке оканчивается на слово «любит», иначе и быть не могло: самый родной ей человек не мог допустить, чтобы даже капелька сомнения поселилась в сердце любимой.

– Сознавайся, во сколько ты лёг спать?.. Ладно, ничего не говори и не стой на пороге, проходи в комнату.

– А-а-а?..

– Нет, мама ещё не пришла. Жду с минуты на минуту.

– Тогда я подарю тебе ещё подарок – свой самый нежный поцелуй...

Как оказалось, поцелуев хватило бы на несколько подарков...

– Слава, – держа руку девушки в своей, тихо произнёс юноша, – мы должны сегодня же обо всём рассказать Софье Михайловне, дольше тянуть нельзя. От её реакции зависит, уезжать мне на учёбу или остаться здесь с тобой. Утром пришёл вызов из института.

– Конечно, ехать! Какие могут быть сомнения?

– Славка, мне кажется, ты совершенно не представляешь всей серьёзности создавшегося положения! Ты соображаешь, по сколько нам лет? Ты понимаешь, что мы целиком и полностью зависим от родителей?

Игорь ходил по комнате взад-вперёд, в волнении потирая руки – он страшился встречи с Софьей Михайловной, совершенно не представляя, какой последует реакция с её стороны на то, что они с Мирославой натворили. Ответственности он не боялся, его не покидала необъяснимая тревога за девушку.

– Игорь, а ведь я так и не услышала до сих пор: ты сам-то рад или не рад? Мне очень важно это знать?

Мирослава настолько была поглощена своим счастливым беременным состоянием, что совсем не обратила внимания на то, как месяц назад воспринял Игорь своё будущее отцовство. Она была абсолютно уверена, что в своих чувствах они идентичны, как однояйцовые близнецы. С внезапно зародившейся тревогой следила она за передвижениями молодого будущего папаши.

– Я жду ответа на поставленный вопрос!

Игорь повернулся к Мирославе. Он знал, каким холодным может быть голос любимой, но в данный момент это был не просто голос-холод, а самый настоящий лёд. Перед ним сидела не мягкая и ласковая подруга детства, а величественная Снежная Королева.

– Родная моя! – опустился он перед нею на колени. – Да я какой уже день представляю себе нашу дочь! Какие у неё крошечные пальчики, как она спит, как лежит у твоей груди, сладко причмокивая, как плачет... Большого счастья я и представить себе не могу! Как ты могла усомниться в моей любви к вам? Но... я боюсь.

– Почему?

– Я не знаю, почему страх зажал мою душу в клещи...

**– Почему – дочь? – А кто же ещё?
Игорь непонимающе смотрел
на успокоившуюся и порозовевшую
Мирославу. – Бывает, и сыновья рождаются...**

– Да? Я не знаю, наверное, бывает... Но у нас-то дочь... Конечно, дочь!

– Чья дочь? У кого дочь? Я чего-то не знаю?

В дверях стояла Софья Михайловна, которая только что вошла и услышала последние слова Игоря. Она стояла и, улыбаясь, смотрела на молодых людей. Что лукавить, ей нравился друг дочери: верный, надёжный, как Санчо Панса.

– Я думала, вы уже стол накрыли к празднику... С днём рождения, дочь моя! Семнадцать лет – какой чудесный возраст! Я и не заметила, как быстро пролетело время! Не успеешь оглянуться, как внуки появятся!..

Игорь с Мирославой переглянулись: однако бури не будет, а козырная карта сама шла в руки.

– Да, мамочка, ты не ошиблась, ровно через пять месяцев ты станешь счастливой бабушкой!

– Ха-ха-ха! – весело рассмеялась Софья Михайловна. – А мне нравится ваша шутка! Сейчас мы её обмоем вместе с днём рождения. Я «Шампанское» принесла, полусладкое. Вы окончили школу, уже полузрелые, так что по бокальчику можно.

– Нет, Софья Михайловна, это не шутка, – встал с дивана Игорь, – так уж получилось, что мы с Мирославой действительно ждём ребёнка... к Новому году...

В воздухе повисла затяжная пауза. Игорь стоял перед взрослой женщиной, загоразивая собой её дочь, готовый на любой выпад и даже физические действия насильственного характера. Софья Михайловна внезапно сильно побледнела, схватилась обеими руками за спинку стоявшего рядом стула и закрыла глаза.

Игорь инстинктивно крепко сжал руку Мирославы в своей

– Получилось, значит... накаркала-таки Матрёна... Счастливая бабушка, говорите... и сорока ещё нет... был когда-то аист, пришёл Дед Мороз...

Лицо Софьи Михайловны меняло окраску каждые тридцать секунд: бледность закрывали сначала ярко-красные пятна, затем лиловые, под глазами появилась жёлто-зелёная подводка, и снова кожа становилась светло-серого оттенка.

Молодые люди не поняли, причём аист и Дед Мороз. От вида матери стало страшно, они тесно прижались друг к другу, не зная, что предпринять – на их глазах молодая красивая женщина превращалась в Мару, богиню зла, гнева и обмана.

– А ты спросила меня, хочу ли я стать бабушкой!? – глаза Софьи внезапно широко открылись. Злоба и ненависть, долго накапливающиеся внутри, нескончаемым потоком хлынули на Мирославу.

– Мама...

– Мама!?! Семнадцать лет назад твой папаша Ванька не спросил меня, хочу ли я быть мамой чужого ребёнка! Он просто притащил тебя невесть откуда, трёхмесячную и замухрыжечную, в дом и заявил, что его дочь никогда не будет жить в детском доме! А ты не нужна была мне, не нужна!!! Мне было хорошо только с твоим отцом! Я просто смирилась до поры до времени, потому что могла оказаться на улице – у твоего доброго отца было жёсткое сердце, когда дело касалось детей. Ха- ха-ха... Да, я не могла их иметь... не могла...

Теперь пришла очередь бледнеть Мирославе. Она без сил опустилась на диван, положив правую руку на живот, который чуть-чуть округлился под натянувшимся платьем.

– Я смотрю: яблочко от «яблоня» недалеко откатилось! Точно так же поставило перед свершившимся фактом! – Софья Михайловна подпёрла руками крутые свои бёдра и язвительно в упор смотрела на падчерицу, стараясь побольнее ударить её под дых тяжёло-весно-злыми словами. – Хочу напомнить, дорогая моя Славушка, что ты как бы ещё несовершеннолетняя. По закону тебе не доверяют воспитание ребёнка, а это значит, что опекунство будет оформлено на меня, твою маму. А уж я постараюсь сделать всё для того, чтобы твоё дитяtko оказалось в детском доме! Тебе не кажется, что таким образом справедливость восторжествует? Согласись, дорогая Снегурочка, что я права? А твоего Деда Мороза я привлеку к суду за соращение несовершеннолетней дочери, и пойдёт наш Игорёк сидеть не на институтскую скамью, а на нары! Ха-ха-ха!.. Ну? Что скажете, Новогодние герои-любовники? И не забывайте, у меня есть деньги и связи, а у вас нет ничего, ничего, ничего!!!

– Вы ошибаетесь, Софья Михайловна, у нас есть то, чего нет у вас и, к сожалению, уже никогда не будет: молодость, любовь и счастье – наше главное богатство, которое никакими деньгами нельзя оценить. Зависть вас гложет, вот вы и злобствуете. Да, некоторые законы сейчас против нас, но в каждом правиле есть исключения и, надеюсь, они работают. Кроме того, я настоятельно советую вам вспомнить о законе «бумеранга» и посмотреть простой детский мультфильм «Золотая антилопа». И потом, мне уже восемнадцать, и я имею полное право быть отцом моего собственного ребёнка.

Игорь с таким неподдельным сочувствием и жалостью смотрел на несостоявшуюся тётцу, что та невольно опустила глаза долу.

**– Обман... – Что ты сказала? –
Повернулся Игорь к Мирославе**

– Про обман говорю. Папа меня предостерегал. Он знал, что шила в мешке не утаишь, вот и вскрылся гнойник... Попахивает здесь что-то... пойдём на свежий воздух, Игорь.

Мирослава резко встала, ойкнула, приложив обе руки к животу

– Что?.. Да что с тобой, Слава? Подожди, «Скорую» сейчас...

– Нет, не надо никакой «скорой»... Игорь, только что наша дочь довольно ощутимо толкнула меня ножкой, но почему-то одновременно с обеих сторон. Как такое может быть, ты случайно не знаешь?

– Откуда же мне знать, дорогая? У нас с тобой первая беременность... и спросить-то не у кого... Ты как, идти можешь?

– Да, конечно могу. Но подожди, я ещё своего слова не сказала. Мама, я не знаю, о каких драконьих законах ты говоришь, но по завещанию отца одна вторая часть жилплощади принадлежит мне, и пенсию по потере кормильца я могу получать до двадцати трёх лет, если буду учиться, а учиться я буду, не сомневайся. Спасибо Людмиле Николаевне – просветила. И рожать буду Я, и опекуна своему ребёнку буду выбирать тоже Я! Кроме тебя, у него есть ещё бабушка и дедушка, гораздо лучше тебя. Так что успокойся – моя доченька тебя бабушкой звать не будет – живи вечно молодой... Вот теперь всё. Пойдём в кафе, Игорь, день рождения у меня сегодня... Да, – повернулась она к Софье Михайловне, – стол накрыт. С днём освобождения, мамочка!

– Я не могу, я не должен оставлять тебя одну, – говорил Игорь Мирославе за четыре дня до предполагаемого отъезда.

– Послушай меня, – упрямо твердила та, – ты в первую очередь должен учиться, чтобы мы ни от кого не зависели. В твоём институте есть военная кафедра, а значит, тебя не заберут в армию. Через год мы поженимся, и уже никто нам мешать не будет!

– Мои родители могли бы помочь...

– Нет! Не надо! Я боюсь, что они будут противиться нашей совместной жизни именно сейчас, когда ты без пяти минут студент. И потом, я напугана сценой, которую устроила моя... мать. Я не желаю её повторения... Мне же нельзя волноваться, правда?

Мирослава, хитро улыбаясь, склонила голову к плечу Игоря.

– Правда, правда... Ох, и лиса же ты, Славка, умеешь уговорить! И всё же, как ты останешься здесь одна? У меня сердце разрывается надвое...

– Чего это – одна? Двое нас.

Игорь и Мирослава впервые в жизни ступили на ступеньку сложного жизненного испытания и старались удержаться на ней, не прибегая ни к чьей помощи. Рано ставшая самостоятельной Мирослава была уверена, что отлично справится с возникшими трудностями сама.

– Игорёша, прошу тебя, не волнуйся. Папа оставил мне хорошую пенсию и кое-какие сбережения, как чувствовал. Кроме того, у меня всё есть. Я вполне смогу обеспечить себя и дочурку материально. Вот исполнится мне восемнадцать, это же недолго ждать, мы поженимся, и твои родители обязательно всё узнают – я обещаю тебе.

Мирослава была настолько убедительна в своих доводах, что Игорь в конце концов сдался и уже к первому сентября уехал в институт. Через неделю Мирослава слышала в телефонной трубке его радостный голос.

– Родная моя, как ты себя чувствуешь?.. Хорошо... Ходи по улицам осторожно, смотри под ноги и по сторонам... Да, купи валенки!.. Что значит «снегу нет»? – будет!.. Я? Нормально:

поселили в комнату к старшекурсникам, очень повезло... да. Оказывается, первокурсникам не разрешается подрабатывать на производстве...

– Игорь! – перебила Славка. – Ты о чём говоришь? Какая работа?!

– Славущка, у меня есть другая возможность: декан... кстати, такой душевный дядька... посоветовал учиться на повышенную стипендию... да, я уже засел за учебники... ты не волнуйся!.. Да, конечно! Целую тебя и животик! Береги себя, любовь моя! Позвоню через неделю!

Конечно же, как настоящий мужчина, Игорь утаил, что большую часть денег, которые обещали присылать родители, он решил отправлять своей, ещё не совсем состоявшейся, семье. Кроме того, один из сокомнатников согласился устроиться работать почтальоном выходного дня в местном отделении связи.

– Игорёк, я, конечно, соглашусь быть «подснежником», но, если узнают в деканате, что я это ты, нам не сдобровать обоим – выгонят взащей.

– Андрюха, да я скажу, что тебя хондроз посетил, ты подтвердишь. Кто ж за помощь другу выгонит? Что, согласен?

– Согласен, – засмеялся Андрей, – папаша, блин-деревня.

С октября в адрес Мирославы стали приходить денежные почтовые переводы на довольно приличную сумму. Славка сначала повозмущалась, но, будучи не по годам очень практичной, поступила на платные двухмесячные курсы счётных работников. К рождению ребёнка по её подсчётам в кармане уже будет лежать свидетельство о начальном профобразовании. Честолюбие не позволяло ей вести, как она считала, праздный образ жизни.

Как-то в конце ноября в дверях супермаркета Мирослава нос к носу столкнулась с Натальей Михайловной, мамой Игоря. Увидев её в ужасе округлившиеся глаза, Славка улыбнулась: «Совсем, как мой живот», но сказала совсем другое.

– Здравствуйте, Наталья Михайловна.

Очень хотелось остановиться, рассказать, как она счастлива, но, услышав в ответ явно осуждающее «здоровствуй, милочка», гордой походкой беременной проплыла мимо посторонившейся будущей бабушки к полкам с продуктами. Природная сдержанность с людьми старшего возраста удержала Славку на некоторой дистанции от преждевременных откровений.

Вечером этого же дня Наталья Михайловна позвонила сыну.

– Я сегодня увидела результат антиморального поведения твоей любимой подружки – у неё живот, как у двух беременных сразу.

– Я знаю, мама, – сдержанно ответил Игорь.

– Ах, знаешь, – поджала губы Наталья Михайловна, – так вот что я тебе скажу: чтобы этой вергихвостки и близко у моего порога не было!

– Я бы посоветовал тебе, мама, придержаться в своих выводах до поры до времени. А пока давай закроем эту тему.

Наталья Михайловна, обидевшись, положила трубку.

У себя же дома отношения с мамой Соней, как теперь называла Славка мать, свелись к минимуму. Софья Михайловна уходила в салон рано утром и возвращалась почти к полуночи. Мирославу вполне устраивало такое нейтральное сосуществование с нею на одной жилплощади и единственное, что по настоящему её беспокоило, был лёгкий запах алкоголя, который облачком зависал на кухне и в ванной комнате – слава Богу, не каждый день.

Во второй половине декабря Мирослава получила на руки свидетельство об окончании курсов и стала ждать рождения дочери. Она склонялась больше к тому, что родиться должен мальчик, уж больно активным был ребёночек в животе, но Игорю очень хотелось иметь дочь, и молодые родители решили исключить обследование на УЗИ по определению пола младенца – каждый ждал того, кого хотел. Они и имя подобрали универсальное на всякий случай – Виктория вполне могла оказаться Виктором.

Как-то в воскресенье под утро Слава проснулась от странного дискомфорта. Она включила ночник, стоявший рядом на тумбочке, и, откинув одеяло, увидела, что лежит в мокрой по пояс ночной рубашке.

– Фу, доча, что ж ты так давишь на мочевой пузырь своей мамочки? – с досадой воскликнула Мирослава. – Стыдно-то как!

Часы показывали шесть часов утра с небольшими минутами. Приведя себя в порядок, Мирослава убрала мокрое постельное бельё и стала поднимать поролоновый матрац, как внезапная резкая боль пронзила низ живота, и сразу заболела поясница.

– Ой, мамочка, – только и проговорила она. – Однако, началось...

Желание позвонить Игорю Мирослава погасила сразу – незачем беспокоить его прежде времени. Повторившаяся через полчаса схваточка подтвердила начало родов. Отдышавшись, Славка стала собирать для поездки в роддом всё, что там может понадобиться. Через два с половиной часа она разбудила Софью Михайловну.

– Мама Соня, я поехала рожать. В моей комнате лежит приданое ребёнку, отдашь Игорю, когда придёт время забирать нас из роддома. И, пожалуйста, не пей.

Роды оказались незатяжными для первородки, что особенно удивило акушерку, которая через три часа контузила новоиспечённого папу Игоря звонком-сообщением о рождении у него двуййцовых близнецов Виктора и Виктории. Молва о том, что Игорь стал отцом сразу двух детишек, облетела общежитие со скоростью звука, и к утру следующего дня возле двери комнаты друзья обнаружили целую гору пакетов с игрушками.

В срочном порядке решив все институтские и почтовые дела, нагруженный подарками, счастливый Игорь выехал к Мирославе, чтобы успеть забрать её и детей из родильного отделения, пожертвовав каникулами, во время которых ему предстояло сдать всего три экзамена. По остальным предметам преподаватели экстерном поставили ему честно заработанные «зачёты»...

– Вот это подарок вы нам с матерью преподнесли к Новому году! – крикнул от неожиданного известия отец.

– Сыночек, что ж ты нам сразу-то ничего не сказал? – упрекала Наталья Михайловна Игоря, которому волей-неволей пришлось всё рассказать родителям. – а я вот взяла грех на душу, осудила Мирочку, дура набитая... Когда домой выписывают их?

– Завтра, мам. Славка приготовила только один детский комплект. Надо ещё один, а я в этом совсем не разбираюсь. Поможешь?

– И ты ещё спрашиваешь!? Дед, ты отвезёшь нас в «Детский мир»? – спросила она у мужа, который сидел на диване у телевизора.

Не дождавшись ответа, она заглянула в гостиную

– Я к кому обращаюсь? Ты нас в «Детский мир» отвезёшь?

– Ты меня что ли спрашивала? – повернул голову к жене Семён Михалыч.

– А кого же? Другого здесь нет

– Какой же я дед? Мне ещё и пятидесяти нет!

– И правда, сорок три всего... надо же... И как же, простите, следует к тебе обратиться?

– Эх, ты... Бабушка, а не догадалась! Дедушкой Сеней Витьки звать меня будут. Вот так вот! – Довольный Семён Михайлович погладил место, на котором через десять дней должны будут вырасти усы, явный признак старшего по званию в семейной иерархии.

*** – Витенька!

Две головки шестимесячных карапузиков, одна светленькая, другая темненькая, дружно оторвали глазки от пирамидки, которую неловкими ручками пытались собрать, и глянули на мать снизу вверх.

– Нет, вы посмотрите на них, Наталья Михайловна, – обратилась Мирослава к бабушке своих малышей, – зову Викушку, отзываются оба, обращаюсь к Витюшке, вместе с ним на меня смотрит и Вика. Как это объяснить?

– Ой, уморили! – вытерла слёзы смеха та. – Да просто всё, Славушка: вы с Игорем когда имя дали ребёночку-то? Во-о-от, в четыре месяца – привыкли они к этому имени ещё в животишке твоём. А «Витя-Вика» звучит почти одинаково – не поймут пока, к кому из них ты обращаешься. И потом, близнецы они всё же, хоть и разнополые. Посмотри, как похожи: не разный бы цвет волос, так и не отличила бы одного от другого.

Мама Игоря после работы решила навестить Мирославу. Она всегда хотела иметь в семье не менее трёх детишек, но, как говорится, Бог не дал, поэтому они с мужем во внуках души не чаяли, и любой свободный час старались посвящать малышам. Конечно же, на лице Семёна Михальча расцвели пышные чёрные усы, в которых шаловливые пальчики Витеньки постоянно путались, и тогда довольный басовитый хохоток деда слышался во всех закоулках шестикомнатной квартиры Мирославы.

– А дружные какие! – смеялась и Мирослава. – В роддоме Анечка, детская сестра, никак понять не могла, отчего они вопили день и ночь. Сухие, накормленные, а не орали только лишь, когда спали. И однажды, перепеленав Викулю, она не положила её сразу в кроватку, а тут же на столике стала пеленать Витеньку и увидела, как тот, протянув к сестрёнке ручку, сразу замолчал. И Вика затихла. С этого дня их стали класть вместе в одну кроватку – рёва как не бывало! Да они до сих пор поврозь спать не ложатся. Одна кроваточка так и пустует, а Витя обязательно Викушку обнимет. Играют вместе, игрушки друг у друга не отнимают. Я нарадоваться не могу!

– Тьфу, тьфу, Слава! Не переговоришь бы, – постучала по столу Наталья Михайловна и глянула на часы. – Засиделась, однако. Домой пора – Сеня мой заждался. Голодный сидит наверняка. Сам себе ни за что поесть не приготовит, как дитё малое, ей-Богу! Ты, доча, Игоря сразу приучай к самостоятельности, чтоб не ждал, когда ему ложку подадут да чаю нальют. У тебя и так забот по дому хватает. Звонил тебе? Когда последний экзамен?

– В конце июня, числа двадцать девятого. Но ему придётся задержаться: расчёт на почте обещают только после пятнадцатого июля, не могут замену ему найти.

– Ну, ничего, ничего, дольше ждали. Вы заявление в ЗАГС когда подавать будете?

– Нам сказали, что в виде исключения трёхмесячный испытательный срок устанавливать не будут, сразу регистрируют. Наше испытание уже все сроки выдержало: вот с ними замуж пойду! Получается, я одна не из вашей семьи – Витьки и фамилию, и отчество папины носят. Игорь-то в их свидетельстве о рождении отцом записан.

– Хорошие сейчас законы в отношении детей, правильные, – встала со стула Наталья Михайловна и направилась к выходу. – Да, платью тебе надо в свадебном салоне подобрать. Позвони мне, как выбирать будешь, я с тобой пойду.

– Нет, Наталья Михайловна, я решила: никаких пышных торжеств нам не надо – ни к чему уже, да и лишняя трата денег. Пусть лучше Игорь отдохнёт, с нами побудет без заботы о том, где деньги взять. Мне ещё за месяц папину пенсию выплатят, а там я сама уже хочу работу подыскать.

Мирослава замолчала – ей показалось, что за дверью на половине Софьи Михайловны кто-то глубоко и звучно вздохнул.

– Ну, вам решать. – Наталья Михайловна повесила через плечо ремешок сумки. – Мы с отцом поможем, когда будет необходимо, только не молчите, сразу обращайтесь. Гордость, она не всегда уместна.

– Спасибо, Наталья Михайловна, конечно. Для меня теперь вы с Семёном Михалычем самые близкие люди.

– Всё. Убежала. Пока, дорогая. Поцелуй внучат за меня и за деда Сеню. Поскорее бы подросли! Так хочется самой их расцеловать!

Будущая свекровь ушла, а Мирослава принялась за повседневную женскую работу, которая, как ни странно, доставляла ей неожиданную радость. Дети спали, накормленные и умытые, посуда со стола убрана, кофточки и ползунки выстираны, пол промыт.

Очень молоденькая женщина, очень красивая в своём молоденьком материнстве, сидела на широком подоконнике, наблюдая, как последние лучики закатившегося за горизонт солнца ещё пытаются сохранить естественное освещение, и думала о том, что никогда в жизни она не была счастлива так, как в эти летние тёплые дни.

Ранним утром, выйдя на кухню, Мирослава увидела на столе хрустальный бокал и пустую бутылку из-под дорогого коньяка, которую с горестным вздохом опустила в помойное ведро.

Телефонный звонок застал Мирославу за приготовлением завтрака. К аппарату подошла Софья Михайловна.

– Да. Здравствуй, Игорь... Конечно, дома, где ж ей быть... Сейчас позову.

Наскоро вытерев руки бумажным полотенцем, Мирослава приложила трубку к уху

– Игорь, привет. Что не на сотовый звонишь? Что-то случилось?.. Ага... да, да, отлично... Через три дня? Урааааа! Ты автобусом или поездом?.. Да, поезд ночью прибывает, лучше автобусом: дольше, но зато днём! Мы тебя ждём!.. А уж как мы соскучились!.. Хорошо дети, здоровы!.. Пока... и мы, и мы тебя целуем!

Сидя за утренним кофе, Софья Михайловна внимательно слушала разговор Славки с мужем. Затем, как будто вспомнив о чём-то очень важно-незавершённом, оставила на столе недопитую чашку кофе и торопливо направилась в прихожую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.